

Глеб Иванович Успенский

**Из деревенских заметок о
волостном суде. Водка и
честь**

Глеб Иванович Успенский

Из деревенских заметок о волостном суде. Водка и честь

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665575*

Аннотация

«...Интерес Успенского к деятельности волостных судов был связан с его наблюдениями над пореформенной деревней. Судебные дела о взыскании платежей с крестьянской бедноты в пользу кулаков и мироедов ярко раскрывали разложение деревни, разрушение патриархально-крестьянского мировоззрения. Как один из симптомов «огромного переворота», который произвели деньги «во всевозможных человеческих отношениях», писатель рассматривал проникновение водки «в область правосудия», «в область совести человеческой». Успенский показал, как деревенские богатеи спаивали водкой членов волостных судов, подкупая их и заставляя поддерживать любые свои беззастенчивые требования против крестьянской бедноты. Рассказывая об использовании торговцами и кулаками волостных судов в своих интересах, Успенский протестовал против ограбления и разорения народа...»

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глеб Иванович Успенский

Из деревенских заметок о волостном суде. Водка и честь

1

Не так давно, читая какую-то большую газету, я совершенно случайно попал на заметку о знаменитом рыковском крахе¹, в которой, между многих мелких деталей, все более и более разоблачающих это крупное безобразие, меня особенно заинтересовало одно, тоже небольшое, вкравшееся в заметку сообщение. Именно: в конце заметки было сказано: «мелкие взыскания по долговым обязательствам банку про-

¹ ...о знаменитом рыковском крахе... – «Рыковский» крах – крах банка в г. Скопине, директор которого И. Г. Рыков и другие члены правления разворовали более 11 1/2 миллионов рублей, принадлежавшие вкладчикам. Рыковский банк был основан в 1857 году. О банкротстве его было объявлено 22 сентября 1882 года. В течение двух лет после этого, до осуждения Рыкова и его соучастников в конце 1884 года, о рыковском деле много писалось на страницах русских газет и журналов. М. Е. Салтыков-Щедрин дал яркую сатиру на «рыковщину» в своих «Пестрых письмах» (1884–1886). Успенский возвращается к теме о «рыковщине» в циклах «Скучающая публика» (1884), «Через пень-колоду» (1886) и др. А. П. Чехов посвятил «рыковскому» краху фельетон «Дело Рыкова и комп.» (1884).

должают поступать». Если бы я был житель столичный и дышал бы столичным воздухом крупных интересов и крупных гешефтов, то меня — я в этом уверен — нисколько не интересовало бы это сообщение; напротив, я бы с любопытством остановил свое внимание только на сообщении о крупных похищениях, о миллионных глотках, и притом глотках *только* похищающих, так как о том, чтобы какое-нибудь миллионное хищение было пополнено, возвращено, — что-то не слышать или по крайней мере слышится очень редко, этак один раз в двести — триста лет. Совсем не та атмосфера, которою мы, деревенские обыватели, дышим в деревне. В деревне как раз наоборот. Здесь на первом плане самых существенных интересов жизни стоят именно «взносы», которые к тому же непременно и притом беспрерывно куда-то «поступают». Вот почему, встретив в газетной заметке фразу о «поступающих» взносах или взысканиях, я, как деревенский житель, не мог не подумать о деревне, а слово «мелкие» еще раз заставили меня вспомнить деревню, где, не чета столице, и хищения и взносы маленькие, мелкие, хотя и беспрерывные... Остановив свое внимание на этой незначительной фразе — и невольно задумавшись о деревне, — я (сам не знаю, это как случилось) вдруг представил себе следующую картину.

Волостной суд. На улице и под сараем около волостного правления идет галдение и кое-где пьяный, а кой-где трезвый разговор. Пьяны, конечно, судьи, а вследствие этого в

каком-то амбаре, на том же волостном дворе, с дверью, околоченной железом, и заменяющем в волости помещение для арестантов, то есть «холодную», дерут по постановлению того же суда какого-то мужика. Один подгулявший, вялый от водки, и скучный от водки, и от водки чувствующий себя подлецом, мужик сидит на корточках у головы наказуемого; другой такой же вялый и тусклый от сознания пьяной подлости совершающегося мужик придерживает за ноги; и тот, кто лежит в это время на полу, – уткнувшись лицом в грязный пол, голосом сильного мужчины, в котором нелепость и подлость совершающегося пробудили рыдающие ноты детского плача, детского непонимания и горького стыда, – дудит и гулко и жалобно в пол: «Михал Мхалчъ! Н-ни ббудду! Ни ббудду! Михал Мхалчъ! Николи ни бббудду!..» – «Не я, – говорит Михаил Михайлыч, волостной старшина², за сопротивление которому происходит наказание, – не я, – а закон бьет тебя, дурака!» – «Дураков надо учить!» – говорит, еле ворочая языком, один из судей; «Дураков и в церкви бьют!» – прибавляет другой, – третий думает: «Грехи, грехи тяжкие! прогневаем, беспрерывно мы прогневаем господа бога!»... И все, не исключая даже и волостного старшины, чувствуют себя глупо и подло, – а в то же время думают, что почему-то «нельзя». В особенности глупо, в особенности подло, в особенности бессовестно чувствуется у всех на душе

² Эти господа вопреки закону умеют мстить своим обидчикам и незаконным порядком.

по окончании этой постыдной экзекуции, когда высеченный мужик, всхлипывая и неловко меняя выражение лица с детского на зверское и опять на детское, конфузясь и ожесточаясь и чувствуя себя опозоренным и глупым, просит расписаться в журнале волостного суда кого-нибудь из грамотных, который и пишет после слов: «и сопротивлялся с дерзостью» – венчающую всю эту жестокую и позорную нелепость фразу: «остался доволен», что должно означать: остался доволен этим позором и стыдом...

Все это действительно позорно и постыдно, – но мы не были бы справедливы, если бы сказали, что этот позор и поношение человека доставляли бы кому-нибудь из всех присутствующих здесь хотя бы самую малую тень удовольствия, даже истцу (разве только в самых крайних случаях врожденной жестокости, проявления которой не чужды деревенской жизни), – это постыдное безобразие не всегда доставляет должное удовлетворение и успокоение. Все, – не говоря уже о том адском состоянии духа, которое уносит в своей душе из волостного амбара наказанный, – испытывают тяготу сознания постыдного, несправедливого дела, до того несправедливого и постыдного, что ощущается жажда новой выпивки, чтобы искусственно себя оскотинить, ожесточить, привести исковерканную бессмысленно-жестоким поступком душу в нормально-бессовестное состояние, то есть в такое состояние, чтобы пьяный мозг мог подыскать какой-нибудь пьяный аргумент для мало-мальски спокойной уверенности, что

бессовестность эта почему-то нужна.

Вот именно такая картина и представилась нам, когда мы в газетной заметке прочитали фразу «мелкие взносы поступают». Но как только представилась эта картина, так мысль наша невольно остановилась на том состоянии духа всех виновников этого невеселого рисунка, о котором было говорено выше. Отчего происходит это нелепое состояние духа и отчего это нелепое состояние духа не воспитывает в виновниках его решительного стремления исцелиться от него, прекратить бесплодную и унижительную нелепицу, а, напротив, имеет в своем основании какое-то тоже, очевидно, нелепое и непостижимое, но тем не менее достаточно твердое «нельзя», от которого можно получить забвение только в сивухе?

Это многосложное нравственное расстройство, сулящее в будущем самые неожиданные комбинации народной мысли, до такой степени сложно, что мы не решаемся говорить здесь о нем подробно и всесторонне (что, кстати сказать, мы и хотели сделать, обещая г. редактору «Судебной газеты» ряд очерков, на основании материалов волостного суда и личных наблюдений, о которых было заявлено в № 6-м «Судебной газеты»). К несчастью, непредвиденные обстоятельства заставляют меня отложить исполнение этого намерения до будущей осени). Остановимся в настоящей заметке на выяснении той стороны расстройства «народной мысли», «народной справедливости», которая ощущается только в вышеприведенной картине нелепого сечения. остано-

вимся на главном страдательном лице этой хотя и постыдной, но несомненной драмы. Его думы и его мысль, помимо сознания унижения, которого невозможно передать словами, растерзаны сознанием двух совершенно противоположных течений, — если так можно сказать — «правд». Одна правда говорит ему неопровержимо: ты ни в чем и ни на волос не виноват; другая так же неопровержимо свидетельствует о том, что ты кругом виноват... Лет двадцать назад такого психологического состояния *не мог* испытывать наш крестьянин, по крайней мере в массе, как это замечается теперь. В общем весь строй его мирозерцания держался на том, что в основе существования лежит труд собственных своих рук. Руки эти должны быть всегда готовы делать так, «как бог даст». А выражение «как бог даст» — значит работать, пользуясь теми условиями, в которые труд этот поставлен природой, и безропотно подчиняясь им и в добре и в хуе. «Я всегда готов, — мог сказать двадцать лет назад каждый крестьянин земледелец, — и руки у меня всегда готовы к труду, — а бог не дал — ничего не поделаешь; бог дал — хорошо!» На этой твердыне труда *своих* рук, которые обязаны делать то и тогда, когда и что следует и можно, но делать неупустительно, — и на зависимости этого личного качества трудящегося от случайностей природы, в каких находился труд, — стояло все здание народной жизни. И брак, и кредит, и доверие, и совесть — словом, все ежедневные комбинации человеческих отношений были проникнуты этой идеей лич-

ного труда и степени его качеств, критикуемых на основании добросовестного изучения случайностей. Возьмем один только кредит: в то время, занимая у кого-нибудь хлеб, – деревенский житель говорил: *ежели* господь уродит – так отдам столько-то и тогда-то. *Ежели*, – которое означало миллионы случайностей природы, было и для всех аргументом неопровержимым. «Не уродило», и для всех ясно, что отдать невозможно, а надо ждать, пока уродит... Вот с такими понятиями о кредите выросло то поколение, которое теперь дерет и которое теперь дерут во имя совершенно иных понятий, в которых нет места этому «ежели». Предшественниками этих новых понятий в деревнях были «новые моды на новые понятия» в среде губернского и уездного темного царства.

Немного более, немного менее пятнадцати или двадцати лет назад в головы и умы Тит Титычей и Сысой Псоичей³ стали влезать неведомо откуда, вернее прямо проникать из воздуха, пропитанного финансовым распутством нашего «учредительского периода», – совершенно новые, даже непонятные и иногда бог знает что означающие, но в то же время «скусные» представления и идеи. Прежде умы Сысой Псоичей и Тит Титычей были проникнуты верой в фальшивый аршин, в силу квартального и в силу взятки, которая его сокращает, верой в бога и верой в чорта, сознанием того, что, угодив богу, не обеспокоив чорта (бога не гневи, а чорту не перечь) да подмазывая аккуратно квартального, можно «спус-

³ ...умы Тит Титычей и Сысой Псоичей... – см. примечание к стр. 401.

кать безбоязненно» на каждом аршине, — что и было известно под общим названием «коммерция». Результат, который получался «от всего этого», выражался в удовольствиях беспрестанно употреблять с господами квартальными и другими «благородными людьми» сундучную, мешочную, паюсную и салфеточную икру, осетровый и белужий балык, а выделывать все, что взбредет в голову по части «нраву моему не препятствуй», ездить для специальных обмериваний и специальных безобразий в Нижний, а в Киев для покаяния и успокоения. Такова была коммерция и коммерческие головы, умы и мысли в старые годы; но лет пятнадцать — двадцать тому назад в эти, казалось, так прочно установившиеся головы стали воистину неведомо откуда появляться новые мысли и слова; то что прежде определялось одним словом «комерция», — теперь вдруг раздробилось на тысячи всевозможных слов, которые все звучат совершенно необычайно: дивиденд, кредит, баланец... а главное, появилось слово «рыск», занесенное в среду Сысой Псоичей каким-нибудь штаб-ротмистром или ремонтером. «Рыск» слово более всех прочих слов полюбилось Сысой Псоичам, тем более что они кроме самого слова «рыск» узнали, что оно неразлучно со словом «благородное дело» и, наконец, что слово это американское. «У американцев, — стал бормотать любой из Псоичей, — все больше рыск. Что больше рискует, — то больше барышу... Ловкий это народ мериканцы... Рыскуй — и знать ничего не знаю, ведать не ведаю, — а деньги так и идут в карман»... И вот Сысой

Псоичи стали во главе всевозможных банков и стали рыскать по-американски, с присоединением к американскому и российского... Ничего не зная и не смысля ни уха, как говорится, ни рыла ни в кредите, ни в «рыске», ни в дивиденде, словом, *ровно ничего*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.